

шет другу. Затем переписка прерывается в связи с тяжелой болезнью писателя, а в марте 1784 г. Львов получает последнее послание, по всей видимости, когда Хемницера уже не было в живых.

Генеральный консул шуточно напоминал в письмах, что «приехал в Смирну удовольствоваться любопытством» (78) своего заинтересованного адресата. И действительно, он подробно излагал другу обстоятельства своей службы, фиксировал реалии проводимой на Востоке политики, делился впечатлениями, которые на него производили нравы и образ жизни турецкого населения.

Хемницер получил место генерального консула в критический момент противостояния России и Порты. По заключенному в 1774 г. Кючук-Кайнарджийскому договору Россия получала крепости Керчь, Еникале и Кинбурн со степью между Бугом и Днепром; Крымское ханство объявлялось независимым от Турции, а Черное и Мраморное моря — свободными для русских торговых судов. Султан не намерен был смириться с потерей земель и влияния, а Россия не только закрепляла победы, активно осваивала Южное Причерноморье, но и явно претендовала на подчинение Тавриды. Установившийся непрочный мир был чреват новой войной, приближение которой сдерживалось лишь известным равновесием сил двух империй. В этой ситуации ключевая роль переходила от полководцев к дипломатам. Им предстояло, не раздражая турецкие власти и не давая Порте повод для возобновления военных действий, исподволь подвести крымского хана к мысли о добровольном присоединении к России, а турецкого султана к пониманию неизбежности окончательной потери Тавриды.

И при петербургском дворе, и в Коллегии иностранных дел понимали, что полномочные представители России становились в Порте заложниками рискованной внешнеполитической игры.² Скрытая враждебность турецких властей усугублялась интригами европейских государств, противодействовавших усилению русских на Востоке. Хемницер видел «зависть, кипящую беспрестанно в толпе иноплеменных» (70), и порой ему казалось, что его окружают «змеи шипящие» (92).

В Порте, взбудораженной недавно законченной войной, было очень беспокойно. «Всякий день франки режут турок, а турки франков, а иногда и франки между собой режутся» (64). Константи-

² Булгакову и Хемницеру было, конечно же, прекрасно известно, как в 1768 г. великий визирь потребовал от российского посланника Обрезкова отмены всех постановлений февральского сейма в Польше по вопросу о диссидентах. Русский посланник таких гарантий дать не мог и тут же был подвергнут аресту. Тем самым России была объявлена война. Пройдет несколько лет, и в 1789 г., в момент очередного обострения отношений с Турцией, султан объявит чрезвычайного посланника России Булгакова мусафитом, т. е. гостем блистательной Порты, и заключит его в Едикуль (Семибашенный замок), где будет 12 недель содержать под строгим надзором.